

М.К. Чуркин*

«...ТАМ ХРОНИКА ДЛЯ НАС ПЕРЕД СЕАНСОМ»:
РЕПРЕЗЕНТАЦИИ СОВЕТСКОГО ПРОЕКТА ВНУТРЕННЕЙ
КОЛОНИЗАЦИИ В КИНОЖУРНАЛЕ «СИБИРЬ НА ЭКРАНЕ»

doi:10.31518/2618-9100-2022-5-5
УДК 94(47+57)+791.43

Выходные данные для цитирования:
Чуркин М.К. «...Там хроника для нас перед сеансом»: репрезентации советского проекта внутренней колонизации в киножурнале «Сибирь на экране» // Исторический курьер. 2022. № 5 (25). С. 64–71. URL: <http://istkurier.ru/data/2022/ISTKURIER-2022-5-05.pdf>

M.K. Churkin*

“...THERE IS A CHRONICLE FOR US BEFORE
THE SCREENING”: REPRESENTATIONS
OF THE SOVIET PROJECT OF INTERNAL COLONIZATION
IN THE FILM MAGAZINE “SIBERIA ON SCREEN”

doi:10.31518/2618-9100-2022-5-5

How to cite:
Churkin M.K. “...There is a Chronicle for Us before the Screening”: Representations of the Soviet Project of Internal Colonization in the Film Magazine “Siberia on Screen” // Historical Courier, 2022, No. 5 (25), pp. 64–71. [Available online: <http://istkurier.ru/data/2022/ISTKURIER-2022-5-05.pdf>]

Abstract. In the work, based on the thesis, according to which the relationship between the metropolis and the colony (province) was initially based on inequality, hierarchy (subordination) and subordination (exploitation), as key elements of the representation of the project of internal colonization in the film magazine “Siberia on Screen”, significant plots were identified and characterized: the celebration of labor and revolutionary dates in the cities of Siberia, the representation of the central government, the conquest of nature and the agro-industrial development of new territories. In the course of the study, it was found that the Soviet government, in interpreting its own version of internal colonization, in comparison with the imperial discourse of “development” and “appropriation” of space and people of the previous era, having mastered cinematographic technologies, acquired a unique opportunity to directly broadcast its ideas about power and the immediate object exploitation – the people-subaltern. It is concluded that in the period of late socialism of the 1950s–1980s the element of exoticization of the peoples inhabiting the space of the region, which finally became the bearers of a common Soviet identity, was excluded from the representations of the Soviet version of the conquest of Siberia. At the same time, the mobilization and repressive-force logic of state building in the USSR actualized the significance of chronicle stories that demonstrated the colonization potential of the Soviet society, realized only under the condition of paternalistic guardianship of the authorities. It is determined that in the presented fragments, behind the propagandistic pathos characteristic of Soviet newsreels, the complex ideas of the imperial authorities, were hidden, specifically the ideals about the administrative-political, economic, socio-cultural and mental organization of the periphery space, as well as the system of actions aimed at overcoming the discreteness of the still remote outskirts, separatist memory were hidden and sentiments in Siberian society.

Keywords: internal colonization, late socialism, chronicle-documentary cinematography, representations, “Siberia on the Screen”.

The article has been received by the editor on 13.06.2022. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

* **Михаил Константинович Чуркин**, доктор исторических наук, Омский государственный педагогический университет, Омск, Россия; Тобольская комплексная научная станция Уральского отделения Российской академии наук, Тобольск, Россия, e-mail: proffchurkin@yandex.ru
Mikhail Konstantinovich Churkin, Doctor of Historical Sciences, Omsk State Pedagogical University, Omsk, Russia; Tobolsk Complex Research Station of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Tobolsk, Russia, e-mail: proffchurkin@yandex.ru

Аннотация. В работе с опорой на тезис, сообразно с которым в основе отношений метрополии и колонии (провинции) изначально заложены неравенство, иерархия (субординация) и подчинение (эксплуатация), в качестве ключевых элементов репрезентации проекта внутренней колонизации в киножурнале «Сибирь на экране» были выделены и охарактеризованы знаковые сюжеты: празднование в городах Сибири трудовых и революционных дат, репрезентации центральной власти, покорения природы и аграрно-промышленного освоения новых территорий. В процессе исследования было установлено, что советская власть в трактовке собственной версии внутренней колонизации, в сравнении с имперским дискурсом «освоения» и «присвоения» пространства и людей предшествующей эпохи, овладев кинематографическими технологиями, приобрела уникальную возможность прямой трансляции своих представлений о власти и непосредственном объекте эксплуатации – народе-субалтерне. Сделан вывод, что в период позднего социализма 1950–1980-х гг. из репрезентаций советской версии покорения Сибири был исключен элемент экзотизации народов, населяющих пространство региона, окончательно ставших носителями общей советской идентичности. При этом мобилизационная и репрессивно-силовая логика государственного строительства в СССР актуализировала значимость хроникальных сюжетов, демонстрировавших колониальный потенциал советского социума, реализуемого только при условии патерналистской опеки власти. Определено, что в представленных фрагментах за характерным для советской кинохроники пропагандистским пафосом скрывались сложные представления имперской власти об административно-политической, экономической, социокультурной и ментальной организации пространства периферии, а также системе действий, направленных на преодоление дискретности по-прежнему отдаленных окраин, сепаратистской памяти и настроений в сибирском обществе.

Ключевые слова: внутренняя колонизация, поздний социализм, хроникально-документальный кинематограф, репрезентации, «Сибирь на экране».

Статья поступила в редакцию 13.06.2022 г.

Практики внутренней колонизации в истории России в постколониальном дискурсе осваиваются в контексте двух ее важнейших компонентов – политическом и культурном. При этом, по утверждению исследователей, советский вариант внутренней колонизации реализовывался с опорой на две важнейшие социально-политические инновации: репрессивные методы решения социальных и экономических проблем, осуществляемые при помощи специфических пропагандистских и управленческих стратегий¹. В отечественной историографии последних лет тема репрезентаций разновременных отечественных проектов внутренней колонизации осваивается достаточно активно. В исследовательской оптике представителей гуманитарного знания все чаще оказываются такие сюжеты, как образ власти, в том числе и советской, в дискурсе периодической печати², советская повседневность в региональном аспекте в художественном и документальном кинематографе³, модели взаимоотношений «Человека власти и культуры» с «Колониальным субалтерном», транслируемые средствами языка кино и художественной литературы⁴.

¹ Эткин А., Уффельман Д., Кукулин И. Внутренняя колонизация России: между практикой и воображением // Там, внутри. Практики внутренней колонизации в культурной истории России. М., 2012. С. 29.

² Зуева Т.М., Шкилева Е.М. Образ власти: социальные конструкты повседневного дискурса современных россиян. Зерноград, 2015; Романович Н.А. Формирование и воспроизводство образа власти в российском обществе. Воронеж, 2009.

³ Савельева Е.Н. Художественно-образная модель Сибири и «сибирская идентичность» в отечественном кино XX века // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2015. № 4 (20). С. 14–24.

⁴ Липовецкий М. Советские и постсоветские трансформации сюжета внутренней колонизации // Там, внутри... С. 809–845.

Рональд Суни, определяя содержание концепта «колонизация», делает акцент на особом состоянии взаимоотношений метрополии и периферии, в рамках которых первая получает прибыль от неравных отношений со второй, что является эксплуатацией или воспринимается как эксплуатация⁵. Подобная модель коммуникации в современных исследованиях позиционируется как имперская, а Россия – как «империя на берегах северных рек», при этом принимается во внимание не только непосредственная репрессивная функция метрополии, но и особый порядок представлений о колонизируемых, репрезентируемый в дискурсах. Майкл Ходарковский довольно точно сформулировал исходную точку этих представлений, демонстрируемых властью в исторической ретроспективе и перспективе: «С самого начала отношений с народами Сибири и Степи московские власти немедленно объявляли их своими подданными и настаивали на том, чтобы местные князья и вожди давали “шерть”, то есть принимали присягу на верность московскому государю»⁶. На уровне провинции данная модель отношений строилась первоначально в соответствии с культурно-политической традицией местных сообществ: как отношения младших и старших, а по мере того, как центральная власть «доносила» до окраин свои административно-политические институты, сложившееся понимание усиливалось под влиянием вотчинной логики метрополии.

Учитывая тот факт, что колониальные практики являются коннотацией империи и имперской системы организации пространства власти, в основе такой модели лежит правило осуществления политического, экономического и культурного контроля над территорией и людьми, которые являются постоянным объектом покорения, возникает вопрос: какое место в этом идеологическом и культурном контексте занимал кинематограф советского времени?

Симптоматично, что «мотив покорения» в дискурсе советских идеологов рельефно проявился прежде всего в отношении самого кино как политического инструмента. Лексические формулы «завладеть кино» и «контролировать кино» придают особый смысл хрестоматийным фразам В.И. Ленина и Л.Д. Троцкого о кино как важнейшем из искусств с точки зрения пропагандистского инструментария большевизма⁷.

Одной из «площадок» трансляции дискурса колониальных практик и знания в модернизированной советской империи XX столетия являлся документальный кинематограф, выполнявший как очевидные пропагандистские функции, так и фиксирующий алгоритмы сосуществования основных акторов внутренней колонизации – «Человека власти и культуры» и «Колониальных субалтернов», в ходе которого реализовывались задачи доминирования и подчинения в отношении территорий и людей. По справедливому замечанию Нэнси Конди, кинематограф всегда выступает как искусство метрополии, а основной его инструмент – кинокамера – является техническим символом вторжения города в деревню (центра в провинцию)⁸. Таким образом, визуальные репрезентации провинции, осуществляемые кинематографическим искусством центра, имеют агрессивно-культуртрегерский характер, а периферийные пространства, которые попадают в фокус киноаппарата, воспринимаются как загадочные, требующие освоения и присвоения.

В этой связи показательно, что киножурнал «Сибирь на экране», основанный в Новосибирске в 1929 г. и функционировавший под эгидой Новосибирской студии кинохроники (Западно-Сибирская студия кинохроники, Западно-Сибирская киностудия), по свидетельству штатных сотрудников советского периода, был подотчетен непосредственно «имперскому центру» – Москве, практически не соприкасаясь в вопросах информационной политики с городскими и областными властями. В контексте проблематики статьи данный факт является косвенным аргументом в пользу важности колониальных задач, решаемых метрополией на имперских окраинах, обеспечения абсолютного и неразделяемого права

⁵ Суни Р. Диалектика империи: Россия и Советский Союз // Новая имперская история постсоветского пространства. Казань, 2004. С. 167.

⁶ Ходарковский М. В чем Россия «опережала» Европу, или Россия как колониальная империя // Там, внутри... С. 107.

⁷ Ферро М. Кино и история // Вопросы истории. 1993. № 2. С. 50.

⁸ Конди Н. Современное российское кино и проблема внутренней колонизации // Там, внутри... С. 770.

центральной власти экстраполировать опыт и практики политического и культурного поведения в границах дискретного пространства, нуждавшегося в подчинении. Важным представляется и обязательно-принудительный способ «доставки» документальной продукции до зрителя-субалтерна (фильмы демонстрировались до киносеанса). В деле организации работы киножурнала по подготовке и выпуску кинохроники также располагался централистский подход: студия и редакция базировались в Новосибирске, а в других городах (Омске, Томске, Барнауле, Кемерове и т.д.) функционировали только корреспондентские пункты, которые присылали материалы в Новосибирск⁹.

Обращаясь непосредственно к анализу хроникальной продукции как инструменту репрезентации советского проекта внутренней колонизации Сибири, в том числе на страницах киножурнала «Сибирь на экране», отметим, что советская власть в трактовке собственной версии внутренней колонизации в сравнении с имперским дискурсом «освоения» и «присвоения» пространства и людей предшествующей эпохи, овладев кинематографическими технологиями, приобрела уникальную возможность прямой трансляции своих представлений о власти и непосредственном объекте эксплуатации – народе-субалтерне.

В период позднего социализма 1950–1980-х гг. из репрезентаций советской версии покорения Сибири практически уходит элемент экзотизации народов, населяющих пространство региона, окончательно ставших носителями общей советской идентичности. При этом мобилизационная и репрессивно-силовая логика государственного строительства в СССР придает особую актуальность и значимость таким хроникальным сюжетам, которые демонстрируют и фиксируют колониционный потенциал советского социума, реализуемого только при условии патерналистской опеки власти.

Учитывая то обстоятельство, что в основе отношений метрополии и колонии (провинции) изначально заложены неравенство, иерархия (субординация) и подчинение (эксплуатация), в качестве ключевых элементов репрезентации проекта внутренней колонизации в киножурнале «Сибирь на экране» нами был выделен и охарактеризован ряд знаковых сюжетов.

Во-первых, значительное пространство хроникальной продукции журнала отдано теме покорения природы и аграрно-промышленного освоения новых территорий (нефтегазовая промышленность, целина), что стало возможным в результате алармической модернизации первых лет советской власти и Великой Отечественной войны, инерция и пафос которых были использованы в 1950–1960-х гг. В выпусках киножурнала этого периода, посвященных таким эпизодам, как геолого-разведывательные работы в Нарымской тайге, перекрытие устья Оби в Новосибирске, прокладка нефтепровода из Башкирии в Омск и возведение нефтекомбината (военно-мобилизационный аспект колонизации), освоение целинных и залежных земель в степной части Сибири, фоново присутствует колониционная риторика: «наступление», «покорение», «штурм», «любой ценой», «напрягая все силы»¹⁰. Основными акторами колонизации назначаются простые люди: машинисты, мастера-взрывники, буровики и т.д., которые позиционируются, с одной стороны, как «герои»-носители великой миссии покорения и преобразования сибирской природы, с другой – они сами выступают в качестве объекта покорения, поскольку на них возложена ответственность за результат, о котором они обязаны рапортовать очередному пленуму или съезду. В описании сообщества «покоренных» советские киноидеологи бессознательно используют конструкт-маркер внутренней колонизации – «культурная дистанция», выделяя элитарные слои советского рабочего класса и крестьянства (стахановцы, победители социалистических соревнований), которые по своему статусу сближались с «человеком власти и культуры», являясь переходной группой от колонизируемых к колонизаторам. Подобная элитарность во многом

⁹ Сибирь на экране: как производственный поток становится летописью эпохи // Интервью со звукорежиссерами В. Соловьевым и А. Антоновым. URL: <https://newsib.net/personality/kak-proizvodstvennyj-potok-stanovitsya-letopisyu-epoxi.html> (дата обращения: 29.05.2022).

¹⁰ Сибирь на экране. 1954–1965 гг. URL: <https://m-nsk.ru/portfolio-item/stroitelstvo-mosta-1954-2>; URL: <https://m-nsk.ru/portfolio-item/ges-1956>; URL: <https://m-nsk.ru/portfolio-item/sibselmash-1959>; URL: https://vk.com/video29878466_170403033 (дата обращения: 11.04.2022).

адресовалась представителям поколения фронтовиков, массово ставших основным звеном производительных сил страны, но лишенных стабильной социальной поддержки и столкнувшихся со сложностями адаптации к мирной жизни. Основной формой поощрения данной категории лиц, репрезентируемых в кинотексте советского проекта внутренней колонизации, являлась декларируемая идентичность как «своих» (читай – колонизованных, покоренных), что выражалось в пышно обставленных манифестациях, таких как прием в партию, торжественная выдача паспортов, объявление о медицинских и социальных гарантиях, награждение орденами, медалями, грамотами.

Во-вторых, в качестве одного из центральных сюжетов киножурнала выделяется тема празднования трудовых и революционных дат в сибирской провинции, а также Дня Победы, репрезентация которых не только плотно насыщена колонизационной риторикой, артикулируемой посредством фразеологии производственных достижений, но и системно отрежиссирована¹¹. Так, например, документальный эпизод о праздновании сибиряками очередной годовщины революции 7 ноября 1955 г. имеет тщательно продуманную и идеологически четко организованную структуру, носящую вполне универсальный характер.

В трехчастном киноповествовании на экране первоначально представлены дети дошкольного и школьного возраста, которые на профанном идеологическом языке объявляются внуками – преемниками героев революции, но в масштабах колонизационного дискурса им предстоит стать субалтернами – объектом покорения. В близком по времени сюжете журнала, посвященном школьной повседневности (1952 г.), колонизационный флер выражен очень рельефно в эмоциональном рассказе о школьниках, вовлеченных в кружковую работу во внеурочное время, и маленькой девочке, к которой после кружка вечером приходят одноклассники подтягивать ее в учебе.

Во второй части авторский кинообъектив фиксирует внимание на важной преамбуле к демонстрации – импровизированном военном параде в Новосибирске, единственном сибирском городе, удостоенном такой чести, что подчеркивает его особый статус периферийной столицы и форпоста внутренней колонизации, наделенного симулякрами метрополии: самым большим в Сибири вокзалом, оперным театром, широкими проспектами в имперском духе и штабом СибВО.

В третьей части в соответствии с колониальным ранжиром выстроены сибирские города от квазистоличного Новосибирска и носителя революционной архаики Томска к фронтальным районам колонизации: Барнаулу – центру сельскохозяйственного производства и Омску – обладателю нефтеперерабатывающего завода. Показательно, что трудовые коллективы демонстрантов наделены правом выражения колониальной лояльности также в строгой сценарной последовательности: шествие возглавляют рабочие опорных предприятий и передовики производства, за ними следуют служащие и прочие неаффилированные покоренные.

Особая функция в репрезентации советского проекта внутренней колонизации киносборником «Сибирь на экране» отведена Дню Победы, несеквестированное празднование которого в СССР возобновилось в 1965 г. Идеологическая актуальность события очевидна и обозначена в киноленте этого года формально-хронометрически: продолжительность ролика более 18 минут. Ключевая идея фильма соотносится с тезисом А. Эткинды о формировании сюжета внутренней колонизации вокруг конфликта «человека власти и культуры» с «человеком из народа»¹². Для «человека власти и культуры», колонизатора, спутанная идентичность субалтерна воспринимается не только неприемлемой, но и опасной. С точки зрения советской власти, поколение, прошедшее войну, демонстрировало именно такой вариант идентичности: особой фронтовой и стандартной советской. Узурпация пространства праздника представлялась колонизатору единственной возможностью преодоления этого

¹¹ Сибирь на экране. 1954–1965 гг. URL: <https://yandex.ru/video/preview/?text=%D0%A1%D0%B8%D0%B1%D0%B8%D1%80%D1%8C>; URL: <https://yandex.ru/video/preview/>; URL: <https://yandex.ru/video/preview/?filmId=4555362851303954494&reqid=1655093322868167-9394581964881104347-vla1-5179-vla-17-balancer-8080-BAL> (дата обращения: 10.03.2022).

¹² Эткинды А. Бремя бритого человека, или Внутренняя колонизация России // *Ab Imperio*. 2002. № 1. С. 265–299.

раскола, в том числе и средствами документального кинематографа. В данном отношении аудиовизуальный ряд киносвидетельства о выдающихся фронтовиках – героях войны построен таким образом, чтобы максимально «заглушить» фронтовую идентичность, актуализировав понятную власти идентичность советскую. Так, уроженец Новосибирской области А.И. Покрышкин после демонстрации короткого сюжета о его военных подвигах настойчиво маркируется как «наш сибирский паренек», «рабочий Сибсельмаша» и, в конечном итоге, «автор официальных мемуаров».

Итогом таких вариантов репрезентации являлось восстановление культурной дистанции между колонизатором и колонизируемым, что давало «человеку власти и культуры» абсолютное преимущество в реализации комфортных практик самопредставления с использованием кинематографического инструментария.

И здесь имеет смысл говорить о третьем блоке сюжетов внутренней колонизации в журнале «Сибирь на экране», репрезентировавших советскую власть (центральную и региональную), ее полномочия и колонизаторские функции. К числу наиболее семантически насыщенных документальных сцен следует отнести освещение поездок представителей высшей партийной и государственной элиты по крупным городам Сибири, имевших важное идеологическое и колонизационное значение.

Исконная российская традиция сакрализации власти, обретшая специфические контуры в 1920–1950-е гг., стабильно провозглашается и визуализируется средствами документального кино в конце 1950-х – начале 1980-х гг. Репрезентация «человека власти», выступающего источником колониального доминирования, состоит из двух основных элементов. «Человек власти» представлен в хрониках одновременно обитателем «горных высот» (Н.С. Хрущев свою рабочую поездку по Сибири в 1959 г. совершает самолетом, что символично) и выразителем и защитником интересов народа-субалтерна. В выпуске журнала, посвященном этому событию, «сошествие» Первого секретаря с трапа самолета озвучено голосом диктора именно в таком ключе: «холодная ненастная погода / теплота встречи десятками тысяч людей, выстроенных по обеим сторонам движения автомобильного кортежа государственного лидера»¹³. С некоторыми коррективами, но в целом по сходному сценарию хроника будет репрезентировать поездку по бескрайним сибирским просторам Л.И. Брежнева в 1978 г., предпочитавшего железную дорогу. Данный сюжет вполне перекликается со способом передвижения героя повести В. Сорокина «Метель»¹⁴ и его же романа «Доктор Гарин»¹⁵, путешествующего то на самокате, запряженном в 50 маленьких лошадок, то на суперсовременном роботе-перевозчике «Маяковском», что сути не меняло: наездник-колонизатор, представляющий власть, не только перемещается в пространстве, но и демонстрирует модернизированные алгоритмы покорения территорий и людей.

«Человек власти» видит главной задачей своего колонизационного вояжа подтверждение или восстановление культурной дистанции между ним и «человеком из народа». В сцене посещения Н.С. Хрущевым в 1959 г. Академгородка эта потребность выражена очень рельефно в обсуждении проекта жилой части города ученых, с преобладанием высотных зданий и креативной системой застройки, что вызвало негодование партийного лидера, трудно скрываемое даже техническими средствами кинематографа. У «человека власти» отторжение вызывает сама идея вертикальной колонизации пространства (вражеской, американской), выдвигаемой в ущерб горизонтальной (родной, отечественной) традиции «присвоения» территорий и людей. В сюжете фоново представлена и вязкая реакция на событие «субалтернов», означающая пассивную готовность к восстановлению статус-кво и подчинению, демонстрируемых в сцене «условного» покаяния и примирения на дневном торжественном заседании по случаю приезда партийного вождя.

Таким образом, за характерным для советской кинохроники пропагандистско-пафос-

¹³ Сибирь на экране. 1959 г. URL: https://yandex.ru/video/preview/?filmId=4836524403172430729&from_type=vast&parent-reqid=1655093228290276-14272618302394881831-vla1-5179-vla-17-balancer-8080-BAL-1257 (дата обращения: 11.04.2022).

¹⁴ Сорокин В. Метель. М., 2018.

¹⁵ Сорокин В. Доктор Гарин. М., 2021.

ным флером скрывались традиционно сложные представления имперской власти об административно-политической, экономической, социокультурной и ментальной организации пространства периферии, а также системе действий, направленных на преодоление дискретности по-прежнему отдаленных окраин, сепаратистской памяти и настроений в сибирском обществе.

Также можно предполагать, что в выделенных сюжетах обнаруживается слой задач колониального содержания, решение которых требовало вовлечения в эту культурно-политическую «игру» широкого круга народонаселения (кинозрителей) с целью создания плотного коммуникативного пространства акторов внутренней колонизации. В рамках такого пространства «человек власти и культуры» получал дополнительные преференции в трансляции «правильных» идей, лозунгов, практик своему главному адресанту – колониальному субалтерну.

Литература

Зуева Т.М., Шкилева Е.М. Образ власти: социальные конструкты повседневного дискурса современных россиян. Зерноград: Азово-Черноморский инженерный ин-т ФГБОУ ВПО ДГАУ, 2015. 200 с.

Конди Н. Современное российское кино и проблема внутренней колонизации // Там, внутри. Практики внутренней колонизации в культурной истории России: сб. ст. / под ред. А. Эткинда, Д. Уффельманна, И. Кукулина. М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 760–789.

Липовецкий М. Советские и постсоветские трансформации сюжета внутренней колонизации // Там, внутри. Практики внутренней колонизации в культурной истории России: сб. ст. / под ред. А. Эткинда, Д. Уффельманна, И. Кукулина. М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 809–845.

Романович Н.А. Формирование и воспроизводство образа власти в российском обществе. Воронеж: Изд-во Воронежского государственного университета, 2009. 400 с.

Савельева Е.Н. Художественно-образная модель Сибири и «сибирская идентичность» в отечественном кино XX века // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2015. № 4 (20). С. 14–24.

Сорокин В. Метель. М.: АСТ, 2018. 224 с.

Сорокин В. Доктор Гарин. М.: Corpus, 2021. 544 с.

Суни Р. Диалектика империи: Россия и Советский Союз // Новая имперская история постсоветского пространства: сб. ст. / под ред. И.В. Герасимова, С.В. Глебова и др. Казань: Центр исследований национализма и империи, 2004. С. 163–199.

Ферро М. Кино и история // Вопросы истории. 1993. № 2. С. 47–57.

Ходарковский М. В чем Россия «опережала» Европу, или Россия как колониальная империя // Там, внутри. Практики внутренней колонизации в культурной истории России: сб. ст. / под ред. А. Эткинда, Д. Уффельманна, И. Кукулина. М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 105–117.

Эткнд А. Бремя бритого человека, или Внутренняя колонизация России // Ab Imperio. 2002. № 1. С. 265–299.

Эткнд А., Уффельман Д., Кукулин И. Внутренняя колонизация России: между практикой и воображением // Там, внутри. Практики внутренней колонизации в культурной истории России: сб. ст. / под ред. А. Эткинда, Д. Уффельманна, И. Кукулина. М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 6–53.

References

Etkind, A. (2002). Bremya britogo cheloveka, ili vnutrennyaya kolonizatsiya Rossii [The Burden of a Shaved Man, or the Internal Colonization of Russia]. In *Ab Imperio*. No. 1, pp. 265–299

Etkind, A., Uffel'man, D., Kukul'in, I. (2012). Vnutrennyaya kolonizatsiya Rossii: mezhdru praktikoy i voobrazheniem [Internal Colonization of Russia: Between Practice and Imagination]. In *Tam, vnutri. Praktiki vnutrenney kolonizatsii v kul'turnoy istorii Rossii: sbornik statey*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, pp. 6–53.

Ferro, M. (1993). Kino i istoriya [Cinema and History]. In *Voprosy istorii*. No. 2, pp. 47–57.

Hodarkovskiy, M. (2012). V chem Rossiya “operezhala” Evropu, ili Rossiya kak kolonial'naya imperiya [In What Was Russia “Ahead” of Europe, or Russia as a Colonial Empire]. In *Tam, vnutri. Praktiki vnutrenney kolonizatsii v kul'turnoy istorii Rossii: sbornik statey*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, pp. 105–117.

Kondi, N. (2012). Sovremennoe rossiyskoe kino i problema vnutrenney kolonizatsii [Modern Russian Cinema and the Problem of Internal Colonization]. In *Tam, vnutri. Praktiki vnutrenney kolonizatsii v kul'turnoy istorii Rossii: sbornik statey*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, pp. 760–789.

Lipovetskiy, M. (2012). Sovetskie i postsovetskie transformatsii syuzheta vnutrenney kolonizatsii [Soviet and Post-Soviet Transformations of the Internal Colonization Plot]. In *Tam, vnutri. Praktiki vnutrenney kolonizatsii v kul'turnoy istorii Rossii: sbornik statey*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, pp. 809–845.

Romanovich, N.A. (2009). Formirovanie i vosproizvodstvo obraza vlasti v rossiyskom obshchestve [Formation and Reproduction of the Image of Power in Russian Society]. Voronezh, Izd-vo Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. 400 p.

Savel'eva, E.N. (2015). Hudozhestvenno-obraznaya model' Sibiri i “sibirskaya identichnost” v otechestvennom kino XX veka [Artistic and Figurative Model of Siberia and “Siberian Identity” in Russian Cinema of the 20th Century]. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedenie*. No. 4 (20), pp. 14–24.

Sorokin, V. (2018). *Metel'* [Blizzard]. Moscow, AST. 224 p.

Sorokin, V. (2021). *Doktor Garin* [Dr. Garin]. Moscow, Corpus. 544 p.

Suni, R. (2004). Dialektika imperii: Rossiya i Sovetskiy Soyuz [The Dialectic of Empire: Russia and the Soviet Union]. In *Novaya imperskaya istoriya postsovetskogo prostranstva: sbornik statey*. Kazan, Centr issledovaniy natsionalizma i imperii, pp. 163–199.

Zueva, T.M., Shkileva, E.M. (2015). Obraz vlasti: sotsial'nye konstrukty povsednevnogo diskursa sovremennykh rossiyan [Image of Power: Social Constructs of Everyday Discourse of Modern Russians]. Zernograd, Azovo-Chernomorskiy inzhenernyy in-t FGBOU VPO DGAU. 200 p.